

КОСОВО КАК КОЛЫБЕЛЬ И СОКРОВИЩНИЦА СЕРБСКОЙ ДУХОВНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ И СОВРЕМЕННОМ СОЗНАНИИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

KOSOWO JAKO KOLEBKA I SKARBIEC SERBSKIEJ DUCHOWOŚCI W HISTORII
ORAZ WSPÓŁCZESNEJ ŚWIADOMOSCI WSCHODNICH SŁOWIAN

ИВАН А. ЧАРОТА

БЕЛАРУССКИЙ ДЕРЖАВНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, IVANCHAROTA@MAIL.RU

Słowa kluczowe: Kosowo i Metochia, literatura, kontakty, historia, świadomość, Serbowie, Rosjanie, Białorusini, Ukraińcy

Keywords: Kosovo and Metohija, literature, connections, history, awareness, Serbs, Russians, Belarusians, Ukrainians

В связи с заявленной темой доклада могут возникнуть вопросы – относительно правомерности говорить сейчас о восточных славянах обобщенно, без учета различий, а также относительно правомочности докладчика выступать от имени всех их. Поэтому уточним исходные позиции: да, реальность ныне такова, что в итоге глобальных геополитических и этнополитических катаклизмов восточнославянская (как и южнославянская) общность подверглась очередному разделению, вызывающему отчуждение и противопоставления; соответственно, наиболее близкородственные (во всем мире!) народы стали гражданами государств не только обособленных, но и выбирающих отнюдь не одинаковые ориентиры для самоопределения и дальнейшего развития, а при этом новоявленные «вожди» и «пророки» зачастую исконное родство уже игнорируют.

Но несмотря на все указанное, а в известной степени именно поэтому, я – как гражданин восточнославянского государства, стремящегося сохранять узы родства и укреплять славянскую взаимность, а тем более как ученый-славист и писатель уже три с половиной десятилетия жизни посвятивший восстановлению родства, взаимодействию и утверждению братских культур – считаю своим долгом изложить точку зрения тех близкородственных народов, для которых всегда, ныне и присно свято устремление равноапостольных Кирилла и Мефодия: «...*Вся языки Словенския утвердiti в православии и единомыслии, умирити мир и спасти души наша*». А так думающих и чувствующих, смею заверить, среди восточных славян большинство искони, со времен знатного летописца Нестора, с гордостью свидетельствовавшего: «*Был един народ славянский...*». Увы, летописцы нынешнего времени аналогичного свидетельства оставить потомкам не

могут. Однако это вовсе не значит, что для нас и потомков наших утратило ценность кирилло-мефодиевское наследие, а тем более что перестала быть актуальной задача умирения мира и спасения душ. Наоборот, особенно теперь это должно бы выйти на первый план во всех наших земных заботах и делах.

Так вот, я беру на себя не только смелость, но и ответственность говорить от имени славян-руссос, являющихся преемниками и носителями такого мировидения, мироощущения, миропонимания. Прежде всего, разумеется, постараюсь отразить взгляды и мнения, преобладающие в среде моих непосредственных соплеменников, белорусов, которые так или иначе свою историческую судьбу неизменно соотносят с судьбой сербов. А для этого – при известных и часто подчеркиваемых различиях – есть немало оснований. Общего у нас больше, чем кажется на первый взгляд. Укажу на некоторые моменты: белорусов, как и сербов, примерно 10 миллионов; в рассеянии нас тоже около 2 миллионов, и численность жителей столицы нашей, которую дотла разрушали враги, теперь приближается к 2 миллиону. И мы, если пользоваться выражением Й. Цвиича, поставили свой дом на большой проезжей дороге. Восток мы для Запада, а Запад для Востока. И также стремимся быть *над Западом и Востоком*, остаемся пока свои на своем. Исторический путь наш – тоже голгофский: крещены мы в Православии, изведали жесточайшие гонения на веру предков, подвергаясь жесточайшей униатизации, так что во второй половине XVIII века мало в каком белорусском городе оставался православный храм; в Первую мировую войну потеряли каждого четвертого соплеменника, а во Вторую мировую – каждого третьего; значительные части наших этнических территорий сейчас находятся в границах

сопредельных государств. Но, несмотря на такие испытания, вопреки опыту, который показывал, что брат брату глубже всего глаз выбирает, мы тоже уверовали в братство и единство, а также в то, что сугубо согласие славян спасет. Поэтому хотим сохранить чувство справедливости и сочувствие к жертвам несправедливости. А как раз чувство справедливости обязывает нас помнить, что свою этническую и вероисповедную идентичность мы восстановили благодаря помощи России, в решающие моменты все же осознававшей, что мы единокордные и единоверные братья.

Если обозреть непосредственно историю взаимопознания, духовно-культурного взаимодействия белорусов и сербов (естественно, в более широких рамках восточнославянско-южнославянских контактов), нельзя не отметить, что в эпоху средневековья весьма важными для духовного просвещения вообще и, в частности, для развития словесности, равно как и храмостроительства, иконописи, фресковой церковной живописи, на белорусских землях были так называемые «южнославянские влияния», а в них конкретно – сербский фактор. Достаточно вспомнить результаты деятельности Цамблаков – митрополита Киприана и непризнанного митрополита Григория, а также знаменитого агиографа Пахомия Лагофета Сербя, анонимного (но известно, что серба) автора жития святых Литовских мучеников и (опять-таки серба) Нектария, расписавшего Благовещенскую церковь Супрасльского монастыря. Между прочим, в росписи Нектария специалисты обнаруживают сходства с фресками храмов Црне Реке, Печкой Патриархии, Грачаницы¹.

Необходимо подчеркнуть: в сознании наших предков издревле Косово и Метохия в определяющей степени обуславливали представление о Сербии вообще. И это передавалось из рода в род! Постараюсь обозначить хотя бы некоторые точки в цепи времен и поколений.

Так, в нашей письменности имеется свидетельство непосредственно времени Косовской битвы, принадлежащее перу Игнатия Смольнянина (вторая половина XIV в.), автора “*Хождения в Царьград*” (1389-1393 гг.), которое известно в двадцати четырех (!) сохранившихся списках XV-XVIII веков. Диякон Игнатий тогда сделал следующую запись: “*В неделю минухом град Дафнусию и Корфию, и приидохом в град Австравию. И ту постоа митрополит, пытая вести о Аморате. Бяше бо Аморат пошел ругаться на сербьскаго князя Лазаря, и бысть весть: убиша бо на суиме обою: и Амората, и Лазаря. И убояшесь мятежа, занеже бехом в Турьской державе, и отпусти митрополит черньца Михаила, а владыко Михаил мене, Игнатья, а Сергей Азаков*

своего черньца. И поидохом от Австравии в неделю перед Петровым днем ...”². Более того, в пространных вариантах “*Хождения*” содержится отдельная «*Повесть об Амурате и битве на Косовом поле*»! Правда, о ней исследователи высказывают разные мнения, в том числе и такое: мол, “повесть”, непосредственно отражающая Косовскую битву, приложена позднее, причем, возможно, даже не Игнатием, а переписчиками. Но ведь это значимости данного текста отнюдь не умаляет. Скорее наоборот, поскольку, оказывается, именно данное событие переписчики считали столь важным, что сами расширяли, а то и добавляли, его описание. А из этого убедительно следует, что и шесть-пять веков назад предки наши в массе, как говорится, понимали неотделимость своей истории от истории братьев-сербов, осознавали особую значимость Косовской битвы для судьбы мира.

В плане, который мы рассматриваем, безусловно, следует отметить заслуги уже упоминавшегося Григория Цамблака (1365-1419?), по воле князя Витовта в 1414 году поставленного Митрополитом Киевским и Литовским с кафедрой в Вильне и резиденцией в Новоградке, нынешнем районном центре Беларуси. Его «слова», «похвалы» и проповеди переписывались на протяжении XV-XVII веков во многих белорусских монастырях – Жировицком, Лавришевском, Слуцком, Супрасльском. Как известно, Григорий дал основательную картину и церковной, и светской жизни Сербии в «*Житии и жительстве святого великомученика в царех Стефана Сербскаго, иже в Дечанах...*». Но в связи с темой нашего выступления не менее важно то, что в его “*Слове о переносе мощей святой Пятницы из Трнова в Видин и Сербию*” (1404-1405) содержится возвышенное прославление земли Сербской: “*В каких странах столько монастырей таких больших и славных, скажи мне, в каких городах?! Где еще столько неисчислимого монашества, которое ангельской и не связанной жизнью живет?*”. А обращая внимание на этот исключительно пиететный пассаж, не следует забывать, что Григорий Цамблак землю Сербскую знал и ценил прежде всего по Косовско-Метохийскому краю, поскольку до того, как обрелся в Западной Руси, он был игуменом Дечанского монастыря – причем, в Дечанах послушание нес в 1402-1406 годах, через непродолжительное время после Косовской битвы, когда правил наследник князя-мученика Лазаря, да и сам перенос мощей святой Параскевы осуществлялся при княгине Милице и Стефане Лазаревиче Высоком. Не будучи компетентным в таких вопросах, все же рискну предположить, что именно благодаря Григорию Цамблаку получил необычайно широкое

распространение в Руси Западной (или, как ее называли еще, Литовской), т.е. на землях нынешней Беларуси культ Параскевы Сербской.

Кроме того, несколько позднее во всей Руси известными стали «*Житие деспота Стефана Лазаревича*», написанное Константином Философом (Костенечским), «*Житие Стефана Высокого*», «*Житие Стефана Дечанского*» и «*Хронограф*» авторства Пахомия Лагофета. Кстати, Косовская битва и жизнь Сербии после этого судьбоносного события упоминаются в ряде хронографических текстов, создававшихся и распространявшихся в Великом Княжестве Литовском (т.е. Западной Руси) на протяжении XV-XVII вв.

В XVIII веке внимание к Сербии, непосредственно к Косову и Метохии в том числе, и соответствующее почитание духовно-культурного наследия сербов в западно-русской среде стимулировал Михаил (Мануил) Козачинский (1699-1755), автор таких произведений, как «*Трагедія, сиречь печальная повесть о смерти последнего царя сербскаго Уроша пятаго и о паденіи сербскаго царства*» и «*Приславна Сербіје*» (в переработке архимандрита Йована Раича – «*Прискрбна зрлице*»). После службы преподавателем и ректором Славяно-Латинской школы в Сремских Карловцах, Козачинский был профессором Киево-Могилянской академии, а впоследствии стал «коадьютером» Киевского митрополита на белорусских землях, архимандритом Свято-Троицкого монастыря в городе Слуцке, где и упокоился о Бозе. К сожалению, его творчество последнего периода жизни остается неизвестным. Однако несомненно, что личная причастность архимандрита Михаила к судьбе сербского народа имела важное значение, сформировавшиеся прежде гражданские и писательские взгляды так или иначе передавались ученикам, распространялись в западнорусской среде.

Духовно-культурные связи восточных славян с сербами, естественно, были разноплановыми. Поэтому никак нельзя обойти вниманием роль сербов, посещавших в конце XVIII – начале XIX века наши земли. В частности: Йована Раича (ученика Михаила Козачинского), Симеона Пищевича, Герасима Зелича, Саввы Текелии, Доситея Обрадовича, Эмануила Янковича, Вука Караджича, святого Петр Цетиньского (Петра I Петровича Негоша), Вука Радонича, который обучался в Шкловской школе генерала Зорича, а впоследствии стал черногорским губернатором... И, конечно же, самого Симеона Зорича-Неранджича, с 1778 по 1799 гг., т.е. целых два десятилетия, прожившего в белорусском местечке Шклов, основавшего там упомянутую школу с хорошей библиотекой, в которой были и книги на сербском языке³.

Это, конечно, отдельная тема, но следует помнить также о личностях, вроде бы не имеющих прямого отношения к рассматриваемой теме. Скажем, об известных участниках освобождения Балкан, генералах Иосифе Гурко (1828-1901, уроженце деревни Высочаны Оршанского района Витебской области) и Михаиле Черняеве (1828-1898, проведшем детство и последние годы жизни в деревне Тубышки Круглянского района Могилевской области, где его навещал сербский генерал Савва Груич; примечательно, кстати, что отец Михаила Черняева – выпускник Шкловского кадетского корпуса генерала Зорича), не говоря уже о «русском консуле» Григории Щербине, в полном смысле разделившем судьбу сербского населения Косова и Метохии.

Отдельно стоило бы остановиться на личности герцеговинца Иоанна Пичеты (1844-1920), собственной жизнью и деятельностью связывавшего Сербию с Россией, Украиной и Белоруссией. Он был преподавателем церковной истории и ректором Полтавской духовной семинарии, а также ректором Витебской духовной семинарии. Протоиерей Иоанн, удостоенный дворянского титула за выдающиеся заслуги в духовном просвещении, проявил себя и на писательском поприще⁴. И практически во всех своих произведениях обращался к истории родной страны, в том числе, естественно, к Косовской битве. А Иоанн (Иван Христофорович, как его называли на второй родине) Пичета является отцом известного российского и советского историка-слависта Владимира Пичеты (1878-1947), академика и первого ректора Белорусского государственного университета, генетическая память которого тоже неизменно давала о себе знать. В частности, судьбоносные узлы событий истории сербского народа он восточным славянам освещал и объяснял в ряде своих произведений, прежде всего, научно-популярных⁵.

Особого внимания заслуживают – и мне как белорусу это весьма приятно отмечать – уроженцы Беларуси Александр Будзилович, Александр Погодин, Александр Соловьев – широко известные в научной среде Сербии поистине выдающиеся деятели, которые формировали общее для сербов и восточных славян духовно-культурное пространство и единое пространство историческое. Достаточно вспомнить хотя бы некоторые труды одного из них⁶.

А благодаря таким «связникам» и популяризаторам поэзии южных славян, как Н. Берг, А. Востоков, Н. Гальковский, Н. Гербель, А. Гильфердинг, В. Ламанский, А. Лукьяненко, А. Пыпин, В. Спасович, М. Сперанский, А. Степович, Т. Флоринский, М. Халанский, Н. Ястребов и другие, к XX веку русские, украинцы и белорусы получили возможность вполне основательно

ознакомиться с сербским эпосом, в том числе и с косовским циклом его. Примечательно, что этого рода произведения издавались, распространялись, исследовались не только в Петербурге и в Москве, но и по всему восточнославянскому культурному ареалу – в Варшаве, Киеве, Харькове, Сумах⁷.

Позднее это дело достойно продолжили И. Голенищев-Кутузов, Н. Толстой, Н. Кравцов, П. Дмитриев, Г. Сафронов в России, а также ряд переводчиков и исследователей в Украине и Белоруссии. Соответственно, в полном смысле освоенным – т. е. отнюдь не чужим, а своим – стало для русских, белорусов и украинцев «*Косовское предание*». И хотя у комментаторов оно теперь часто заменяется иным выражением – «*Косовская легенда*», а также имеющим негативную коннотацию – «*Косовский миф*», наши народы, как и сербы, не забывали о существовании других понятий: «*Косовское определение*», «*Косовская этика*», «*Косовский завет*»... Причем они вполне понимали, что завет сей в духовном плане обрел значение всеславянское, всеправославное, а также и вселенское. В любом случае, имеются все основания говорить о разноплановом и многоуровневом восприятии «*косовского архетипа*», который является значимой составной частью духовно-культурного сознания восточных славян как в прошлом, так и сейчас.

Не случайно же в числе первых иконописных образов сербских святых – лик князя-великомученика Лазаря, наряду со святыми Симеоном и Саввой. Еще более убедительно это иллюстрируется обращением к соответствующей тематике писателей русских (например, А. Пушкина, А. Хомякова, Ф. Достоевского, Е. Чирикова, Ю. Кузнецова, Ю. Ложица, Т. Глушковой, иеромонаха Романа и др.), украинских (Т. Шевченко, М. Шашкевича, И. Франко, Ю. Федьковича, М. Рыльского, Л. Первомайского и др.), белорусских (М. Богдановича, Н. Гилевича, М. Метлицкого, Г. Пашкова, М. Познякова, В. Спринчана, М. Шелехова и др.).

Обязательно следует обратить внимание на то, что у наших предков и современников общее представление о сербах складывалось по описаниям и характеристикам, содержащимся в косовском эпосе, который представил изумительную галерею народных типов – не только героев-участников битвы (князя-мученика Лазаря, мужественного самоотверженного Милоша Обилича, Бановича Страхины и воинов иже с ними), но и жены, матери, сестры, возлюбленной (княгини Милицы, Матери Юговичей, Косовки Девушки), а также брата, друга, соратника, слуги (Бошко, Иван Косанчич, Голубан)... Это образы идеальные и обобщающие, олицетворяющие не одно событие и даже не отдельно взятую эпоху. Это, можно сказать, запечатленный соборной

эпической памятью многих поколений универсальный национальный хронотоп, важнейшими пространственными знаками которого являются поле Косово, река Ситница, Голеч планина, Самодреза, Призрен, Крушевац, Баньска, Звечан, Чечан, а временные рамки не ограничиваются – охватывают весь период борьбы за Крест Честной и Свободу Золотую.

Поэтому не просто как шедевры поэтического творчества моими соплеменниками воспринимались народные песни «Гибель Сербского Царства», «Смерть Матери Юговичей», «Заклятие князя», а также «Надпись на Косовском столпе» Стефана Лазаревича, «Слово о князе Лазаре» Патриарха Даниила III, «Симонида» и «Покинута церковь» Милана Ракича, равно как и подобной тематики произведения сербских авторов новейшего времени. Собственно, кто из сербских писателей мог пройти мимо темы Косова?! Но, разумеется, далеко не все они представлены в переводах на восточнославянские языки. Между тем, даже перечень авторов произведений на данную тему, опубликованных за последнее время в Беларуси, не так уж мал. Это поэзия Десанки Максимович, Матии Бечковича, Любомира Симовича, Милорада Джурича, Слободана Ракитича, Джоко Стоичича, Раши Перича, Адама Пуслоича, Радомира Андрича, Драгомира Брайковича, Драгана Драгойловича, Зорана Костича, Драгана Лакичевича, Любицы Милетич, проза и эссеистика Добрицы Чосича, Драгомира Попновакова, публицистика Марко С.Марковича, Марко Радуловича, Момира Лазича, Слободана Ярчевича, Зорана Милошевича, Иваны Жигон...

Особо следует отметить многоплановую деятельность Чрезвычайного и Полномочного Посла Сербии в Беларуси г. Сречко Джукича, который не только сам активно выступает в печати, но и всеми средствами поддерживает любое дело, способствующее сербско-белорусским связям, уяснению правды о ситуации в Косово и Метохии.

В последние годы у нас проявляется огромный интерес к сербской духовной литературе. Поэтому значительная масса русскоязычных читателей постигает содержание «*Косовского завета*» с помощью переводимых как в России, так и в Белоруссии, трудов святителя Николая и аввы Иустина, а также, немногочисленных пока, русскоязычных текстов нынешних иерархов Сербской Православной Церкви – Патриарха Павла, Митрополита Амфилохия (Радовича), Епископов Афанасия (Евтича) и Артемия (Радосавлевича).

Поскольку поступающая по «мировым каналам» информация о том, каково реальное положение в Косово и Метохии, скудна и, как правило, далека от объективности, то для нас особо значимы сведения, что

называется, из первых рук. И в этом плане безусловно важную роль сыграла экспозиция фотографий и документальных материалов «Распятое Косово» (автор-организатор – доктор Любиша Фолич), которая представлена была у нас 17–23 февраля 2003 года в рамках VII Минского Международного фестиваля церковных песнопений и которую увидели тысячи белорусов. А тогда, в дополнение к выставке, посетившие нашу республику Его Преосвященство епископ Рашско-Призренский Г. Артемий, монашество его епархии, косовский поэт Ранко Джиневич, актриса Ивана Жигон, этно-музыколог Светлана Стевич Вукосавлевич имели встречи с жителями белорусской столицы в Музее истории культуры, в Университете, в Доме милосердия, в нескольких церковных приходах. Владыка Артемий многократно выступал с проникновенными беседами, Ранко Джиневич читал стихи, Светлана Стевич исполняла народные песни, в числе которых и песня XV века о судьбоносном выборе князя Лазаря накануне Косовской битвы – как завещание нынешним поколениям. Тогда же Ивана Жигон провела презентацию фильма о белорусском режиссере Михаиле Пташук, на основе материала, снятого в многострадальном Косовско-Метохийском крае, который она посещала вместе с коллегами-кинематографистами – белорусом М. Пташук и русским Н. Бурляевым. Во время фестиваля косовско-сербский хор дал целый ряд концертов. Это было поистине значимое событие, и оно, слава Богу, довольно широко освещалось в средствах массовой информации Республики Беларусь. Весьма трогательным и вызвавшим заметный резонанс было участие детского художественного коллектива «Косовски божури» в театральном фестивале «Золотой Витязь» (Минск, октябрь 2005 г.). Неизменно большое внимание вызывают сербские документальные фильмы, особенно с Косовской тематикой, на ежегодном Минском кинофестивале «Листопад»...

Подчеркнем: этнокультурная оппозиция «мы – они» и, соответственно, «родственное – чужое» со времен Игнатия Смольнянина (а значит – и князя – мученика Лазаря) для наших народов если не отсутствует вообще, то имеет минимальное значение.

Более всего это проявилось во время войны НАТО против СРЮ 1999 года. А также и позднее, когда приходили сообщения: «Сожжен монастырь Святой Троицы в Муштуште»; «Православный храм Приштины превращен в общественный нужник»; «Осквернено кладбище, разрыты детские могилы у Вучитрна»; «Осквернено сербское кладбище возле Витины»; «Произведения сербской литературы в контейнерах для мусора»... Понятно, «прогрессивные» СМИ внушали и внушают:

“*Это не наше дело*”. Но в подавляющем большинстве мои соотечественники реагировали на все это не иначе как: «*Ваша боль – наша боль; ваши утраты – наши утраты; ваша скорбь – наша скорбь...*». Когда говорится, что святыни Косова и Метохии, а также культурные памятники издревле сербского православного края являются нашим общим достоянием, это не риторика, а осознанное выражение причастности в разных планах.

Взять, к примеру, славный монастырь Высокие Дечаны. Для него, как известно, в 1862–63 гг. изготовлялись колокола в Архангельске и доставлялись они российским флотом⁸; а в XX веке архимандритом этой обители долгое время был монах Киево-Печерской лавры Фаддей, келейник митрополита Киевского Антония (Храповицкого).

И как раз эти чувства отразились у наших современников – Виктора Юнака, автора романа «Дань кровью», иеромонаха Романа (Матюшина), написавшего стихи «У поля Косова» и давшего своей книге название «*Там моя Сербия*», а также у поэтессы Валентины Невинной, в стихотворении которой отнюдь не случаен рефрен: «*Повторяю: «Россия! Ты – сердце мое. Сербия! Ты – предсердие»*»; особенно же убедительны и вразумляющи для нас слова русского поэта Игоря Ляпина: «*Бьют по Косово залпы НАТО, Это ломится к нам война*». Сочувствие и поддержку сербам неизменно выражали белорусы Польши – прежде всего Евгений Чиквин и Михаил Чиквин, Михаил Болтрык, Анна Радзюкевич, Алла Матренчик, Ярослав Харкевич. Упомянутый Михал Чиквин (сейчас – иерей) подготовил специальную передвижную экспозицию «*Umęczone Kosowo i Metochia*», которая выставлялась не только в Польше, но и в ряде стран Западной Европы, а ее каталог помещался в приложении к журналу «Православный обзор» (Przegląd prawosławny 2007).

И то, что сербское национальное тело расчленилось на части, а сейчас делается попытка вырвать еще и сердце – Косово и Метохию, – большинство граждан Беларуси, России, Украины воспринимает не иначе как общеславянскую историческую трагедию. О чем, кстати, мне доводилось, находя понимание, свидетельствовать публично⁹.

Возвращаясь еще раз к вопросу о правомочности мне лично высказываться о Косово и Метохии, отмечу, что я знаю этот край не понаслышке и не только по книгам. Как участнику международных славистических мероприятий и писательских встреч мне довелось многократно бывать в косовско-метохийских городах и селах, в школах и музеях. Особенно – в монастырях, благодаря которым я возвращался к Православию. Естественно, я с самого начала был просто поражен тем

богатством – изумительная по своеобразию архитектура, бесценные фрески и иконы, множество древних рукописей и старопечатных книг, неповторимые образцы предметов сакрального обихода... – которое видел в монастырях Баньска, Гориоч, Грачаница, Дечаны, Девич, Печка Патриаршия и др. Посещал я Косово после оккупации тоже. И вот свидетельствую, что видел со стороны властей как федерации, так и Сербии, а прежде всего со стороны сербского населения края не просто веротерпимость и гражданскую толерантность, не только наличие условий для мирного сосуществования, но и явную заботу о культуре албанского национально-меньшинства – сами за себя говорят наличие Приштинского университета, в котором мне доводилось бывать несколько раз, помпезная внешне и отлично обустроенная Приштинская библиотека, существование более 50 журналов и газет на албанском языке, активное функционирование косовско-албанских книжных издательств... А не менее говорит то, что в сербских монастырях прятались от внешней военной угрозы и албанцы, равно как и то, что Его Высокопреосвященство Митрополит Амфилохий лично становился на защиту Байракли джамии от разрушения, которое намеревались осуществить духовно смятенные сербы. Для меня в этом однозначно видится смысл известного, но столь трудного в осуществлении для сербов правила: «Сохранить жизнь и спасти душу».

Готовя этот текст, я осознал, насколько недостаточны по отношению к Косово и Метохии мною использованные при формулировке темы определения «колыбель и сокровищница». Ведь колыбель может использоваться лишь временно, а затем передаваться следующим младенцам только до определенного момента; она перестает отвечать, как говорится, требованиям современности, да и просто изнашивается, ветшает... И сокровищница – это, в общем-то, хранилище ценностей; она имеет функции прежде всего мемориальные; к тому же сокровищницу, как и музей, в принципе допустимо перемещать... А здесь ведь речь о несравнимо более значительном.

Сноски

- ¹ См., например: Рогов А.И. *Супрасль как один из центров культурных связей Белоруссии с другими славянскими странами // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И.Пичеты*, М., 1978. С. 321-334.
- ² Цит. по: *Книга жыццй і хаджэняў / Укладанне, прадмова і каментарыі А.Мельнікава*. Мінск, 1994. С. 146.
- ³ Кстати, прошлым летом в Шклове генералу Зоричу поставлен памятник; открыт он 2 сентября 2007 года.
- ⁴ См., нпр.: Пичета И., *Очерк истории Православной Сербской Церкви // Православное Обозрение*. Т.1. М., 1870. № 1,3,4; Пичета И., *Факты и воспоминания из школьной жизни герцеговинца*. Харьков,

Сама по себе Косовско-Метохийская земля является общенациональным Пантеоном, кладбищем героев и средоточием святынь – свыше 1300 монастырей, церквей и церковиц, в числе которых, если говорить языком светским, более 160 памятников международного значения; здесь находилась древняя столица правителя светского и донныне находится Трон Первоиерарха Сербской Церкви. Вот ряд определений, которые не должно и не может утратить хранить наше – восточных славян, как и сербов – коллективное сознание: «*Великий Погост*», «*Сербское Распятие*», «*Родословие Сербии*», «*Судьба Сербии*», «*Корневая система сербства*», «*Очаг сербской свободы*», «*Всенародный жертвенник*», «*Хоругвь нации*», «*Сербский Иерусалим*», «*Предел и беспредельность Сербии / Крај и бескрај Србије*», – как сформулировал Бранко В. Радичевич). Если очень кратко, Косово и Метохия – это краеугольный камень в основания сербской нации, сербского государства и Сербской Церкви; а вместе с тем и пробный камень для сильных мира сего, взявшихся решать дальнейшую судьбу Косова и Метохии, а тем самым и сербской нации в целом. Обобщая же, лучше всего использовать труднопереводимое, собственно сербское, слово «*ЈЕЗГРО*», которое означает важнейшую составную часть существа, сердцевину – сербской государственности, национальной истории, культурной сущности, духовности. Которое означает то, что жизненно необходимо, постоянно действенно и незаменимо. И как же могут сербы отказаться от Косова и Метохии? Какой народ готов добровольно пренебречь своими истоками и духовными корнями, отдать на поприще свои святыни и отеческие гробы? А как считающий себя цивилизованным мир может допустить уничтожение сердцевины христианской сербской и общеславянской и, соответственно, мировой культуры? Это было бы во истину крупнейшим в истории нашей цивилизации, не имеющим никакого оправдания, преступлением против человечества.

1911; Пичета И., *Факты и воспоминания из жизни герцеговинца на службе по духовно-учебному ведомству*. Харьков, 1913

- ⁵ Пичета В.И., *Исторический очерк славянства*. М., 1914; Пичета В.И., *Исторические судьбы Сербии // Экскурсионный вестник*, 1915; Пичета В.И., *Сербия*. Пг.-М., 1917.
- ⁶ Будилович А., *Очерки сербской истории*. М., 1877; Погодин А.Л., *История Сербии*. СПб., 1909; Погодин А.Л., *Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г.* М., 1915; *Руско-српска библиографија 1800-1825. Израдио д-р Александар Погодин*. Књ. I. 1 део. Београд: Српска Краљевска академија, 1932; 2 део. Београд: Српска Краљевска академија, 1936.
- ⁷ См., нпр.: Халанский М., *О сербских народных песнях косовского цикла // Русский филологический вестник (Варшава)*. 1882. Т. 7-8;

Степович А., *Очерки истории сербохорватской литературы*. Киев, 1899; Ильинский Г., *Лекции по истории южнославянских литератур*. Харьков, 1908; Лукьяненко А. М., *Пособие к лекциям по истории сербохорватской литературы*. Киев, 1913.

⁸ См.: Васильев Д., Длужневская Г., Малевинская М., *Православные святыни Балкан*, СПб, 2004. С. 96-99.

⁹ См.: *Трэця сусветная ідзе ўжо амаль месяц // Чырвоная змена*. 27.04.1999. С.2-3; «Царкоўнае слова» (Спецыяльны выпуск). 1999. № 5; *Над полем дроздов летают стервятники // Во славу Родины*. 28.05.1999. С. 4; *Вайна ў Югаславіі: Сербы пакідаюць Косава // Царкоўнае слова*. 1999, № 11. С. 9; *Геноцид сербов в Косово*

продолжается // Во славу Родины. 9. 12. 2000. С. 1; «Святая Русь» (Минск, Специальный выпуск журнала, посвященный братской Сербии), 2000, № 1; *Косовская битва в историческом сознании сербского народа // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта*. 2000, № 4; *Косовская битва продолжается*. – Мн.: Братство Архистратига Михаила, 2000; «Распятае Косава» // *Літаратура і мастацтва*, 21.02. 2003. С. 3; *Кровотокачая рана в сердце Европы (Что происходит в Косово и Метохии) // Неман*. 2005. № 1. С. 142 – 148; Вступ. слово к публикации: Чосич Добрица. «Я замыкаю свой косовский круг...» // *Всемирная литература*. 2007. № 1. С. 177-181.

Iwan A. Czarota

Kosowo jako kolebka i skarbiec serbskiej duchowości w historii oraz współczesnej świadomości wschodnich Słowian

Streszczenie

W artykule autor pokazuje i analizuje obecność pamięci Kosowa i Metohii – kolebki państwowości serbskiej, centrum serbskiego Kościoła prawosławnego i skarbnicy kultury serbskiej – w historycznej i aktualnej świadomości wschodnich Słowian. Kosowo i Metohija jest analizowana jako główny serbski temat w literaturze wschodniosłowiańskiej. Określenie „wschodniosłowiańska” ma dwa konkretne historyczne znaczenia: 1) Rosjanie, to jest duchowo-etniczno-kulturowa społeczność w przeszłości; 2) bardziej współcześnie – Rosjanie, Białorusini i Ukraińcy.

Ivan A. Charota

Kosovo as the cradle and the treasure of Serbian spirituality in history and contemporary consciousness of the eastern Slavs

Summary

In this paper, the author reveals and analyses the presence of remembrance of Kosovo and Metohija – the cradle of Serbian statehood, the seat of the Serbian Orthodox Church and a treasury of Serbian culture – in the historical and current awareness of Eastern Slavs. Kosovo and Metohija is analysed as the main topic of Serbology in Eastern Slavic literatures. The term “Eastern Slavs” has concrete historical meanings: 1) the Russian people, that is, its ethno-spiritual-cultural community in the past; 2) Russians, Belarusians and Ukrainians in the more recent past.

Rozmiar artykułu: 0,8 arkusza wydawniczego